

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печати. листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всея города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

НАГРАДЫ

ПО ВѢДОМСТВУ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА,

ОТЪ СВ. СУНОДА ВЫДАВАЕМЫЯ.

1.

По ходатайству Ея Королевскаго Величества Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны Св. Синодъ 2-го минувшаго іюня наградиль священника Іоанна *Лобѣуцкаго* саномъ протоіерея.

2.

По ходатайству командующаго войсками Виленскаго военнаго округа Св. Синодъ 2-го минувшаго іюня священника 100-го пѣх. Островскаго полка *Теодора Волкова*, за отлично-усердное и ревностное исполненіе имъ пастырскихъ обязанностей въ минувшую русско-японскую войну для чиновъ 25-й артиллерійской бригады, наградиль наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ.

ЛЕСТНЫЕ ОТЗЫВЫ О ВОЕННЫХЪ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯХЪ

1.

Изъ письма, на имя О. Протопресвитера, Шлиссельбургскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Весьма не продолжительно было служеніе о. Василія Бучинскаго у насъ, въ Шлиссельбургѣ, но оставило постоянно свѣтлое, отрадное воспоминаніе о немъ, какъ о добромъ, честномъ и учительномъ пастырѣ. Благоговѣйнымъ совершеніемъ богослуженія и поученіями онъ обратилъ на себя общее вниманіе и привлекъ расположеніе къ себѣ со стороны крѣпостныхъ чиновъ и причта, такъ равно и гражданъ и обывателей окрестныхъ селеній.

Отдавая должную честь, справедливое уваженіе и признательность о. Василію Бучинскому за его истинно пастырское, весьма дѣятельное отношеніе къ своимъ обязанностямъ я считаю своимъ нравственнымъ и служебнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о немъ предъ Вашимъ Высокопреподобіемъ.

2.

Копія адреса Барнаульскаго Тюремнаго отдѣленія, поднесеннаго 15-го марта 1908 года бывшему священнику Градо-Барнаульской Николаевской Тюремной церкви, а нынѣ войсковой въ г. Барнаулѣ, отцу Владиміру Златомрежеву.

Ваше благословеніе, Досточтимый пастырь,

Владиміръ Васильевичъ!

Немного лѣтъ Вы, о. Владиміръ, служили настоятелемъ Николаевской церкви, что при Барнаульскомъ Тюремномъ замкѣ. Въ это недолгое время, благодаря Вашимъ стараніямъ, поступило въ означенную церковь много цѣнныхъ пожертвованій церковными вещами. Вашими стараніями, при содѣйствіи найденныхъ вами добротныхъ жертвователей, церковь снаружи окрашена масляною краскою, что служить благолѣпіемъ и украшеніемъ храма, независимо отъ того, что окрашенные стѣны менѣе портятся отъ атмосферическихъ явленій. Наконецъ, Вы, заботясь о духовной пищѣ содержащихся подъ стражею, собрали отъ добротныхъ жертвователей боль-

шую бібліотеку, книги которой Вашими стараніями переплетены всѣ. Часть собранныхъ Вами книгъ — вторые экземпляры — разосланы даже по другимъ мѣстамъ заключенія Томской губерніи, по распоряженію высшаго начальства.

Барнаулское Тюремное отдѣленіе, считая заслуги Ваши весьма цѣнными, приносить Вамъ, досточтимый пастырь, искреннюю благодарность за вашу весьма полезную дѣятельность на пользу церкви и содержащихся подъ стражею.

Да будетъ адресъ этотъ вамъ, отецъ Владигірь, напоминаніемъ, что труды ваши оцѣнены по достоинству.

Гор. Барнаулъ. Отъ директоровъ Тюремнаго отдѣленія.

ВОЕННОМУ ДУХОВЕНСТВУ КЪ СВѢДѢНІЮ.

1.

Государь Императоръ, въ 16-й день мая сего года, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе всероссійскаго сбора пожертвованій на сооруженіе на мѣстѣ Полтавской битвы памятника Императору Петру I и на учрежденіе для этой цѣли особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго губернатора, въ составѣ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, предсѣдателя губернской земской управы, городского головы, квартирующихъ въ Полтавѣ начальниковъ 9-й пѣхотной и 2-й казачьей сводной дивизій и полтавской мѣстной бригады, управляющаго казенною палатой и одного изъ членовъ полтавской ученой архивной комиссіи, по ея выбору, съ предоставленіемъ губернатору права приглашать къ участію въ комитетѣ и другихъ лицъ, могущихъ принести пользу дѣлу.

Сообщая объ изложенномъ для свѣдѣнія, Главный Штабъ считаетъ необходимымъ добавить, что приведенное Высочайшее соизволеніе опубликовано въ № 110 Правительственнаго Вѣстника за 1908 годъ.

2.

П Р А В И Л А

однообразнаго сохраненія и чествованія памяти геройскихъ подвиговъ воинскихъ чиновъ, совершенныхъ при обстоятельствахъ настоящаго времени ¹⁾.

Дабы увѣковѣчить память геройскихъ подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ при обстоятельствахъ настоящаго времени, надлежитъ руководствоваться нижеслѣдующими правилами:

1) О совершенномъ нижнемъ чиномъ при обстоятельствахъ настоящаго времени подвигъ со всей подробностью объявлять въ приказѣ по части, дабы всѣ его товарищи ясно усвоили его поступокъ, могли гордиться имъ и, въ подходящемъ случаѣ, подражать ему.

Одинъ экземпляръ этого приказа, отпечатанный на хорошей бумагѣ и за подлинной подписью командира части, въ присутствіи всѣхъ чиновъ роты, долженъ быть при торжественной обстановкѣ (лучше всего послѣ молебствія за здравіе виновника торжества), врученъ герою, а другой, такой же экземпляръ приказа, долженъ быть распоряженіемъ командира части посланъ на родину героя, прося соотвѣтствующія власти прочесть его на ближайшемъ сельскомъ сходѣ, а затѣмъ вручить этотъ приказъ его роднымъ.

Отсылкѣ на родину экземпляра приказа надлежитъ придавать особенно важное значеніе, въ виду того, что нашъ простолюдинъ особенно чутокъ къ доброй о немъ славѣ дома на родинѣ.

2) Хорошій примѣръ заслуживаетъ подражанія, а вѣсть о совершенномъ подвигѣ имѣетъ большое воспитательное значеніе. Поэтому желательно, чтобы о подвигахъ, совершенныхъ нижними чинами, обязательно объявлялось въ приказѣ по своему корпусу, такъ какъ эти приказы, перепечатанные потомъ въ полковыхъ приказахъ, имѣютъ относительно большой кругъ читателей.

3) Въ ротахъ, а также въ полковой чайной или полковой библиотекѣ, которыя посѣщаются нижними чинами части, вывѣсить, если имѣется, фотографическую карточку героя, а подъ ней (въ рамкѣ подъ стекломъ) приказъ по полку о совершенномъ имъ подвигѣ, приказъ о пожалованіи ему медали и денежной награды, если таковыя пожалованія имѣли мѣсто.

¹⁾ Изъ приказовъ по войскамъ Гвардіи и Петербургскаго воен. округа, отъ 11 іюля 1908 г.

Если фотографической карточки героя въ части не имѣется и почему либо получить таковую не представляется возможнымъ, то въ вышеозначенныхъ помѣщеніяхъ всетаки вывѣшиваются соотвѣтствующіе приказы о геройскихъ подвигахъ нижнихъ чиновъ своей части и о наградахъ, коихъ они за это были удостоены.

4) Новобранцы, прибывающіе ежегодно въ часть къ концу періода ихъ обученія, должны быть ознакомлены съ подвигами своихъ однополчанъ, совершенныхъ при обстоятельствахъ настоящаго времени, а начальствующія лица, повѣряющія обученіе молодыхъ солдатъ, должны провѣрить, не было ли при обученіи новобранцевъ это дѣло упущено.

5) Одинъ экземпляръ копій съ приказовъ о подвигахъ, совершенныхъ воинскими чинами въ мирное время, всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ частей надлежитъ выслать въ Штабъ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, гдѣ, по мѣрѣ накопленія подобнаго матеріала, онъ будетъ печататься и разсылаться во всѣ части, управленія и заведенія округа для ротныхъ библиотекъ и назидательнаго чтенія нижними чинами.

6) При полковыхъ исторіяхъ должно завести особое приложение состоящихъ при хранимыхъ на вѣчныя времена, какъ и самыя исторіи, копій приказовъ по части о подвигахъ, совершенныхъ нижними чинами своей части при обстоятельствахъ настоящаго времени.

Особенно, изъ ряда вонъ выдающіеся подвиги нижнихъ чиновъ (равно, какъ и г.г. офицеровъ), слѣдуетъ вносить въ самый текстъ полковыхъ исторій.

7) Если нижній чинъ (или офицеръ), совершившій подвигъ, былъ убитъ или умеръ въслѣдствіи отъ полученныхъ при этомъ ранъ, то память его полагалось бы увѣковѣчить, принявъ за правило:

а) на подробномъ крестѣ сверхъ обычныхъ надписей (имя, отчество, фамилія, время рожденія и смерти, откуда родомъ и въ какой части служилъ), слѣдуетъ вкратцѣ изложить причину преждевременной геройской смерти погибшаго; свѣдѣнія эти слѣдуетъ написать или выгравировать на самомъ крестѣ, а не на особой доскѣ, къ нему прибываемой, такъ какъ ее не трудно было-бы злоумышленникамъ отодрать.

б) Въ полковой церкви завести особую мраморную доску чернаго цвѣта, на которую и занести имена и фамиліи воиновъ, погибшихъ геройскою смертію при обстоятельствахъ настоящаго времени.

в) Названныхъ усопшихъ внести въ поминальный синодикъ полковой церкви для поминовенія ихъ на вѣчныя времена въ установленныя для того дни.

г) Въ тѣхъ ротахъ, гдѣ служили погибшіе герои, наканунѣ дня ротнаго праздника прочитывать при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ роты приказъ по части о совершенномъ усопшемъ героемъ подвигѣ, а вслѣдъ за этимъ отслужить по немъ панихиду.

д) Въ дни полковыхъ праздниковъ, при молебствіяхъ, передъ многолѣтіемъ, установить провозглашеніе вѣчной памяти героямъ (офицерамъ и нижнимъ чинамъ своей части, погибшимъ на войнѣ и при обстоятельствахъ нынѣшняго времени).

е) Принять на будущее время за правило, если нижній чинъ, совершившій подвигъ, будетъ убитъ злоумышленниками или умереть отъ ранъ, командиру части, въ которой онъ служилъ, безотлагательно надлежитъ послать на родину усопшаго его приходскому священнику приказъ по части о подвигѣ умершаго.

Священника этого нужно просить отслужить по усопшемъ панихиду, передъ началомъ которой прочесть приказъ о подвигѣ усопшаго. На эту панихиду пригласить всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ умершаго.

8) Рѣшеніе вопроса о томъ, достоинъ ли подвигъ, совершенный воинскимъ чиномъ, увѣковѣченія согласно настоящихъ правилъ,—предоставить командирамъ корпусовъ и лицамъ, равнымъ имъ по власти.

В ъ р н о: старшій адъютантъ, подполковникъ *Богачевскій*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Беседа о томъ, какъ губительны для семьи и общества раздоры и распри.

Молю, вы, братіе, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, да не будутъ въ васъ распри (1 Кор. 1, 10).

Съ такою отеческою мольбою св. апостоль Павелъ наставлялъ Коринѳскихъ христіанъ, нарушавшихъ между собою единеніе, миръ и согласіе: онъ умолялъ ихъ именемъ Иисуса Христа, чтобы они оставили происхо-

дивнія между ними распри и раздоры и жили въ мирѣ и единомысліи. А сколько происходитъ распрей и раздоровъ и между нами, братіе! Этотъ порокъ замѣчается въ нашихъ семействахъ и въ нашемъ обществѣ, онъ сдѣлался какъ бы общимъ недугомъ времени. А потому обращаюсь и я къ вамъ, христіанские воины, съ тою же апостольскою мольбою: *молю, вы, братіе, именовъ Господа нашего Иисуса Христа, да не будутъ въ васъ распри*. Раздоры христіанскому званію не свойственны и для всякой семьи и для общества человѣческаго пагубны. Не свойственно намъ имѣть между собою распри и раздоры потому, что насъ всѣхъ создалъ одинъ всемогущій Творецъ. Онъ соединилъ насъ союзомъ родства и дружбы, надѣлилъ насъ одною природою, всѣмъ далъ безсмертную душу и о всѣхъ насъ промышляетъ. Всѣ мы, поэтому, между собою братья и всѣ составляемъ одну великую семью Отца Небеснаго. Все это ясно и вразумительно говоритъ нашему уму и сердцу, что Премудрый Творецъ даровалъ намъ жизнь не для того, чтобы мы производили распри и раздоры, но для того, чтобы жили въ мирѣ, любви и дружбѣ и своею мирною жизнію прославляли Бога.

Самъ Иисусъ Христосъ для того и приходилъ на землю, чтобы всѣхъ призвать въ свое мирное царство. За всѣхъ насъ пролилъ Онъ на крестѣ Свою святѣйшую кровь,— и сія кровь сколько представляетъ побужденій къ христіанской любви, миру и дружеству! Сія кровь омыла грѣхи всего міра, всѣхъ спасла отъ вѣчной смерти, даровала намъ право быть чадами Божиими и всѣмъ пріобрѣла возможность быть довольными, спокойными и счастливыми.

Вся земная жизнь и ученіе Иисуса Христа имѣли цѣлю научить людей быть единымъ стадомъ Единого Пастыря; Его молитва предъ страданіями заключалась въ томъ, чтобы всѣ люди соединились во едино: «яко же Ты, Отче, во мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ Насъ едино будутъ».

Вся проповѣдь апостольская направлялась къ той же цѣли. Созидая церкви въ разныхъ мѣстахъ вселенной, апостолы учили, чтобы христіане соблюдали единеніе духа въ союзѣ мира, любили братство, хранили единомысліе, умножали любовь. Апостолы предостерегали отъ лжеучителей, которые любятъ сѣять смуту и распри, злобу и ненависть. Св. Апостоль Павелъ по поводу возникшихъ въ Коринѣской церкви несогласій пишетъ къ нимъ нарочитое посланіе, въ которомъ обличаетъ несогласныхъ христіанъ. И послѣ всего этого, свойственно ли намъ— чадамъ Христовой церкви, кровію Христовою искупленнымъ, наслѣдникамъ Христова Царствія, производить распри и раздоры? Не свойственно, грѣшно и пагубно для насъ.

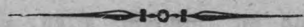
Раздоры пагубны для нашей семейной и общественной жизни. Посмотримъ, наприимѣръ, на ту семью, гдѣ происходятъ распри и раздоры. Это семья достойна великой жалости. Тамъ отецъ, забывъ свое христіанство, ругаетъ и бьетъ своихъ дѣтей, словно непріятель какой; неразумная мать со всѣми заводитъ ссору и брань, и никто ей ничѣмъ не угодитъ. Мужъ ссорится съ женой; жена не уступаетъ мужу и раздражаетъ его. Дѣти не слушаютъ отца и матери, дѣлаютъ имъ грубость и всякія обиды: нѣтъ у нихъ почтенія и любви къ родителямъ, покорности и уваженія къ старшимъ, нѣтъ Божія страха въ душахъ ихъ. Братья другъ друга обижаютъ, словно недруги какіе; каждый отвѣчаетъ одинъ другому иногда съ крикомъ и бранью, каждый изливаетъ гнѣвъ и злобу на другихъ. Это картина поистинѣ возмутительная и богопротивная! Какое же можетъ быть здѣсь спокойствіе и довольство? Какіе порядки въ хозяйствѣ? Какія могутъ быть радости тамъ, гдѣ всякое безчиніе и никто не думаетъ жить и трудиться по Закону Божию?—Далѣе: какое можетъ быть тамъ благочестіе, какая молитва и покаяніе, какая вѣра въ Бога, какая добродѣтель, гдѣ происходятъ распри и раздоры? Отъ распрей и раздоровъ происходятъ только вражда, злоба и ненависть. А все это портитъ даже добрыя дѣла, не позволяетъ молиться истинною молитвою и каяться во грѣхѣ истиннымъ покаяніемъ. Распри и раздоры изгоняютъ изъ нашихъ семей Господню благодать и св. ангела хранителя, удаляютъ насъ отъ Бога: а безъ Бога, какъ безъ солнца, вездѣ и всегда мрачно и мертво. Посмотримъ и на человеческое общество, гдѣ обитаетъ буйный духъ раздоровъ. Много ли тамъ добра и радостей? Какіе тамъ порядки? Хорошо ли живется міру православному? Сколько тамъ недоброжелателей и недруговъ? Тамъ одинъ другому только дѣлаютъ обиды, заводятъ брань, тяжбу и судъ и даже драку. Между сосѣдами и знакомыми тамъ происходитъ вражда, ссора и брань, отъ чего послѣдствія бываютъ горькія и плачевныя. Отъ распрей и раздоровъ ослабѣваютъ государства и лишаются благоденствія; города лишаются покоя и добрыхъ порядковъ; жители сель испытываютъ разныя бѣды и всякое неустройство.

Отъ распрей и раздоровъ вездѣ происходитъ разстройство добрыхъ порядковъ общественныхъ, нарушается спокойствіе и благоденствіе обществъ. Жители сель и деревень страдаютъ, города лишаются фабрикъ и заводовъ и оставляютъ массу рабочихъ безъ куска хлѣба; пріостанавливается промышленность, торговля, а затѣмъ слѣдуютъ безработица, нищета, болѣзни.

Отъ распрей и раздоровъ цѣлое государство ослабѣваетъ на радость врагамъ внѣшнимъ, лишается прежней славы и могущества. И вѣрно сказалъ св. апостоль Павелъ: *аще другъ друга огрызаете и снѣдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете* (Гал. 5, 15). И самъ Господь сказалъ въ Своемъ Евангеліи: *всякое царство раздѣлившееся на ся, запустѣетъ, и всякъ градъ или домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ* (Матѣ. 12, 15).

Христолюбивые воины! Тамъ только покой, довольство и радости, а еще что всего дороже, тамъ только благословеніе Господне, гдѣ всѣ соединены союзомъ христіанской любви и дружбы. Тамъ всѣ стараются оказать другъ другу добро, помощь и услугу, и всѣ единодушно, какъ добрые братья или благословенная Божія семья, заботятся о благѣ общественномъ, устрояютъ добрые порядки въ обществѣ. Какъ хорошо говорится объ этомъ въ богодухновенной псалтири св. царя Давида! *Се что добро или что красно, но еже жити братии вкутъ, яко тако заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка* (Псал. 132, 1—3). Для блага нашего земного, для блаженства вѣчнаго будемъ воздерживаться отъ распрей и раздоровъ. Будемъ благоразумны и осторожны въ отношеніяхъ своихъ къ тѣмъ лицамъ, которые любятъ сѣять смуту. Будемъ стремиться къ доброй и благочестивой жизни, которой требуетъ отъ насъ наше христіанское званіе. Будемъ стараться жить со всѣми въ братской христіанской любви, въ мирѣ и единомысліи, и Богъ любви и мира всегда пребудетъ съ нами (2 Кор. 13, 11).
Аминь.

Осовецкой крѣпостной церкви священникъ Константинъ Введенскій.

Освященіе новой церкви въ г. Владивостокѣ.

15-го іюня, въ 9^{1/2} ч., въ крѣпости состоялось освященіе церкви, построенной морскимъ вѣдомствомъ на новомъ воинскомъ (общемъ) кладбищѣ. Освященіе совершилъ Высокопреосвященный Евсевій, обратившійся къ присутствующимъ по окончаніи его съ назидательнымъ словомъ, въ которомъ раскрылъ важное значеніе храма для воина-христіанина, какъ «корабля для моряка». На скромномъ торжествѣ присутствовали: и. д. коменданта ген.

Ольшевскій, командиръ порта адм. Н. А. Матусевичъ, ген. П. А. Ставицкій, командиръ экипажа баронъ Ф. В. Раденъ, строитель храма воен. инж. полк. А. И. Исаковъ, вѣкоторыя другія лица и нижніе чины экипажа.

Новый храмъ небольшой, вмѣстимостью на 125—150 человекъ, кирпичный, окрашенный сѣрою масляною краской, производитъ наружнымъ и внутреннимъ видомъ прекрасное впечатлѣніе. Владыка выразилъ желаніе имѣть чертежи и планъ его, какъ образецъ для постройки церквей (деревянныхъ и въ увеличенномъ масштабѣ). Храмъ обошелся вѣсколько болѣе 16,000 р.

Иконостасъ изготовлялся въ рабочемъ домѣ, утварь, ризница и иконы частью выписаны изъ Москвы и мѣстнаго св. Троицкаго монастыря, частью получены изъ порта. Главная храмовая икона «Всѣхъ скорбящихъ радости» исполнена здѣсь художникомъ Россолимо. Колокола и кресты изготовлены въ мастерскихъ порта.

Новое кладбище представляетъ ровную площадь; находится въ 3—4 вер. отъ гор., въ южномъ направленіи отъ него, на возвышенности между стоянкою 9 и 10-го В.-С. стрѣлков. полковъ и бухтою «Уллиць». Въ ясную погоду кладбищенскій храмъ изъ города виденъ хорошо; а изъ храма открывается видъ съ одной стороны на бухту «Золотой Рогъ», съ другой—на Амурскій заливъ, съ 3 й—на Уссурийскій.

Послѣ освященія и литургіи, окончившейся во 2-мъ часу, Высокопреосвященный съ сослужившимъ духовенствомъ, и. д. коменданта и др. лица, почтившія своимъ присутствіемъ скромное торжество, были приглашены въ квартиру командира порта, гдѣ адмиралъ предложилъ имъ трапезу.

Внѣбогослужебная бесѣда по случаю освященія церкви Морского вѣдомства, построенной на общемъ воинскомъ кладбищѣ въ городѣ Владивостокѣ ¹⁾.

«Больше сея любве никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Воины Христовы!

Много можетъ сказать сердцу каждаго изъ насъ этотъ маленькій храмъ,

¹⁾ «Дальній Востокъ», № 131.

сейчасъ освященный святительскимъ благословеніемъ (чиномъ), храмъ кладбищенскій, храмъ памятникъ.⁹

Здѣсь, подѣ сѣнію его будутъ покоиться безмятежно и мирно въ своихъ преждевременныхъ могилахъ наши воины, пришедшіе сюда, на край русскаго государства, изъ разныхъ уголковъ обширной родины, по которымъ Господь не судилъ уже возвратиться въ дома отцовъ. Здѣсь будетъ ихъ общая братская тихая пристань; здѣсь они, принявшіе кончину въ мирное или военное время, улягутся рядомъ, какъ воины братья, и будутъ лежать, цодъ стройными рядами крестовъ, рука объ руку, какъ живые въ строю.

Уже и начало положено: первыми улеглись здѣсь, — рано улеглись, ища успокоенія предъ иконой «всѣхъ скорбящихъ радости», тѣ¹⁾, «душа коихъ прискорбна была даже до смерти». Уже сегодня совершена архипастыремъ первая умилостивительная жертва «о здѣ лежащихъ», отнынѣ имѣющая совершаться, доколѣ существуетъ самый храмъ.

Но не только о здѣсь лежащихъ воинахъ будетъ доприносима спасительная таинственная жертва. Вѣдь это братское кладбище—среди морей и горъ—лишь часть огромнаго дальневосточнаго воинскаго кладбища, гдѣ не осталось и нѣтъ ни одного храма, — говорю не осталось, ибо тамъ были лишь походные храмы, сооруженные руками нашихъ воиновъ.

Любили они эти храмы и горячо молились въ нихъ, милости Божіей и помощи требуя, молились иногда при такой обстановкѣ, когда вмѣсто колокола раздавались звуки орудіейныхъ выстрѣловъ, вмѣсто стѣнъ храма были склоны горъ, а куполомъ—сводъ небесный. Молились съ вѣрою, что гдѣ-бы, когда и кто ни находился: на горной-ли вершинѣ или въ полѣ и окопѣ, днемъ-ли или въ часъ ночной, на cadaго съ великаго свода небеснаго незримо смотреть всевидящее око Божіе, безъ воли Котораго не упадетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣческой. Укрѣпляемые этою вѣрою, шли воины на подлежащій имъ подвигъ, не боясь ранъ, не страшась и самой смерти: умирающаго приобщали мы (священники) св. Таинъ, а убиеннаго предавали землѣ съ честью, какъ и на далекой родинѣ. И всѣ крѣпко вѣровали, что хотя прахъ убитаго навсегда скроется изъ очей нашихъ въ нѣдрахъ чуждой земли, но что душа его предстанетъ на небо, гдѣ ее, какъ праведную жертву, встрѣтитъ Самъ Христосъ: «благой рабъ и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего». Здѣсь почерпали умираю-

¹⁾ Командиръ крейсера «Аскольдъ» капитанъ 1-го ранга Глизянъ, мичманъ Коломійцевъ.

шіе войны успокоеніе, а мы обѣщали молиться за нихъ въ храмахъ родины, чтобы простилъ имъ Господь всякое прегрѣшеніе. Въ дни поминовенія воиновъ, въ этомъ кладбищенскомъ храмѣ будутъ помянуты наши страстотерпцы, на бранныхъ поляхъ Дальняго Востока животь свой положившіе.

А дыханіе океана, бурное и туманное, напоенное кровію и пороховымъ дымомъ, наипаче напомнимъ намъ о войнахъ — мученикахъ моря, похороненныхъ тоже, какъ въ братской могилѣ, въ пучинахъ дальневосточныхъ морей. Изъ глубинъ морскихъ, что видны изъ оконъ, въ нашемъ сознаниіи встають какъ тѣни, какъ призраки, души ихъ, съ вѣрою и честью положившихъ жизнь свою въ неравныхъ бояхъ, особливо въ страшномъ послѣднемъ бою. Они стремились сюда, на израненныхъ судахъ, къ отечественнымъ берегамъ, гдѣ и стоитъ этотъ храмъ. У нихъ, истомленныхъ 9-ти мѣсячнымъ переходомъ, океанскими бурями, жарами тропическими, ожиданіемъ смертнаго боя, съ зловѣщими и тяжелыми, какъ крышка свинцоваго гроба предчувствіями, у всѣхъ ихъ было желаніе пробиться сюда, въ Владивостокъ. Иные, быть можетъ, и здѣсь, плывутъ вблизи береговъ, и ждуть погребенія и просятъ молитвы. «Кто можетъ — молитесь, чтобы Богъ пересталъ насъ казнить за наши грѣхи», — какъ писалъ одинъ изъ сихъ страстотерпцевъ. Молитву въ семь храмѣ услышатъ они. Здѣсь будутъ благоговѣнно погребены имена ихъ: у насъ уже составляются списки именъ, которыя и будутъ начертаны ¹⁾, съ хронологическими датами, съ указаніемъ судовъ, на мраморныхъ шитахъ (доскахъ), что будутъ на церковныхъ стѣнахъ. Ибо имена эти, ихъ подвиги, должны быть безсмертны: въ вѣчную память о нихъ и въ назиданіе будущимъ бойцамъ.

Храмъ этотъ впишетъ на стѣнахъ своихъ: «Александра Ш», съ коимъ отдали душу Богу, а тѣло морю, всѣ офицеры и вся команда до единого человѣка, и напомнимъ, какъ на килѣ этого опрокинувшася гиганта въ послѣднія минуты стояли офицеры и матросы и кричали русское привѣтствіе (ура) идущимъ на гибель другимъ кораблямъ. Океанъ разверзся и въ своей бездонной могилѣ похоронилъ такое же великое, какъ онъ, непобѣдимое чувство долга. Впишетъ и напомнимъ «Ослябя», который погибъ первымъ, буквально засыпанный снарядами; тонулъ нѣсколько минутъ, спаслось около 100 человѣкъ. «Бородино», «Суворовъ», «Наваринъ».

Все море кругомъ ихъ отъ минныхъ и ядерныхъ взрывовъ преврати-

¹⁾ Твердо вѣримъ, что строитель храма, воен. инжен. полк. Андрей Ив. Исаковъ, исполнитъ это свое обѣщаніе, и въ недалекомъ будущемъ.

лось въ лѣсъ фонтановъ. Тонувшимъ посланы были 3 миноносца, но не успѣвъ миноносецъ подойти къ кругу, за который ухватились 30—40 утопающихъ, вдругъ снарядъ—и изъ всего круга образуется красный (кровавый) фонтанъ. (Изъ «Лѣтописи войны съ Японіей», по Нов. Вр.), № 11554 1908 года «Мученики за Россію», Меньшикова). На священныхъ щитахъ будутъ написаны жертвы этого страшнаго человѣческаго жертвоприношенія, совершеннаго въ пучинахъ морскихъ. Напишутся герои «Адмирала Ушакова». Выдерживая день и ночь жестокой огонь, видя, какъ сгораютъ и тонутъ боевые товарищи, броненосецъ «Ушаковъ» самъ получилъ двѣ тяжелыхъ пробоины и погрузился носомъ; стало трудно стрѣлять и управляться, однако рѣшили биться до конца. На небольшое (въ 4000 тоннъ) и израненное судно напали два огромныхъ японскихъ крейсера (по 19700 тоннъ). Съ послѣднихъ данъ былъ сигналъ «совѣтую вамъ сдать вашъ корабль»,—и затѣмъ шло еще какое-то продолженіе сигнала. «Продолженіе и разбирать нечего», — сказала (Миклуха) командиръ «Ушакова»,— «открыть огонь!» Даже и эти немногіе наши выстрѣлы не долетали до непріятеля; японцы же издали засыпали «Ушакова» ядрами. У насъ приступили къ обряду умиранія, и броненосецъ пошелъ на дно. «Суворовъ» не осрамилъ своего историческаго имени, онъ принялъ не одну, а три смерти: онъ былъ разстрѣлянъ, сожженъ и потопленъ, но не сдался. По японскимъ источникамъ «Суворову» два раза предлагали сдаться, на что оставшаяся кучка героев отвѣчала залпами изъ вицтовокъ, такъ какъ уже ни одной цѣлой пушки не оставалось. Послѣдній залпъ раздался, когда «Суворовъ» наполовину уже скрылся подъ водой, вмѣстѣ съ тѣми, имена коихъ на щитахъ храма будутъ написаны. Будутъ записаны герои «Наварина», который, замѣтивъ отчаянное положеніе «Суворова», горѣвшаго какъ костеръ, прикрылъ его собою отъ сыпавшихся японскихъ бомбъ. Разбитый, взорванный минами и бомбами, съ перебитою командою, смертельно раненымъ командиромъ, броненосецъ все еще держался. «Вѣрные принятому рѣшенію умереть, но не сдаться», пишетъ одинъ участникъ боя, «офицеры передъ самою гибелью судна простились съ выстроенною командой и, готовясь къ смерти, братски перецѣловались другъ съ другомъ. Англійскій пароходъ успѣлъ спасти трехъ матросовъ, которые и рассказали объ ужасахъ этой ночи, въ теченіе которой всѣ другіе умерли на водѣ отъ истощенія или были разстрѣляны.

Будутъ записаны имена 160-ти нижн. чиновъ «Свѣтланы», съ храбрымъ

командиромъ и офицерами. Геройскій крейсеръ, на другой день боя, уже полуразбитый, былъ атакованъ двумя японскими крейсерами и миноносцемъ. Снарядовъ почти уже не было, но на военномъ совѣтѣ рѣшено было: «вступить въ бой и когда будутъ израсходованы снаряды—затопить крейсеръ». Взорваться было нельзя, такъ какъ минный погребокъ былъ залитъ еще накануне. Но какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: пробившись нѣсколько часовъ, открыли кингстоны, крейсеръ легъ на лѣвый бортъ, безжалостно разстрѣливаемый врагомъ, и пошелъ на дно съ *поднятымъ* Андреевскимъ флагомъ (ibid).

Будутъ записаны имена доблестныхъ моряковъ: «Владимира Мономаха», подвергшагося девяти миннымъ атакамъ, разстрѣяннаго и потонувшаго тоже съ *поднятымъ флагомъ*; — «Рюрика», погибшаго ранѣе въ отчаянномъ бою; «Изумруда», тоже израненнаго и погибшаго на порогѣ родныхъ береговъ.

Я поминаю далеко не всѣхъ, ибо синодикъ великъ. Въ него не вошли имена тѣхъ моряковъ, что погибли на Портъ-Артурскихъ твердыняхъ. Выйдя изъ родной стихіи на сушу, они грудью стали на форты, съ винтовками въ рукахъ, своею отчаянною храбростью удивляли даже геройскихъ стрѣлковъ и своею горячею кровью обильно оросили развалины Артура.

Но придетъ время—и не останутся безъ продолженія эти поучительныя строки, ибо, какъ видите, *вѣдома* русскому воину великая заповѣдь Спасителя: «больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за други своя»,—за святую Русь и древнее Андреевское знамя.

Здѣсь будетъ почерпать въ трудные дни мужество семья моряковъ Дальняго Востока, здѣсь будетъ находить утѣшеніе русское сердце, читая имена героевъ, замученныхъ и убитыхъ за великое имя Матери—Родины. Ибо ничто такъ не поддерживаетъ бодрости духа, какъ примѣръ и имена героевъ. Пусть разбито *тѣло* флота, но осталась непобѣдимую душа его, пока въ немъ не перевелись эти мученики долга, память о коихъ будетъ благоговѣнно хранить этотъ храмъ.

Приходя въ него, христіолобивый воинъ, преклони колѣна и помяни погибшихъ братьевъ твоихъ.

Священникъ А. Богословскій.

Сила молитвы Господней.

(Разсказъ ¹⁾).

Морозно. Тихая звѣздная ночь опустилась на землю. Таинственнымъ сумракомъ окутала она снѣжную равнину, безъ мѣры въ длину, раскинувшуюся по обѣ стороны матушки Волги. Скованная ледяными цѣпями, притихла могучая рѣка; снѣгомъ затянуло ея мутныя воды; ни звука вокругъ!— Но вотъ откуда то вдругъ донеслась заунывная пѣсня. Чей-то сильный и молодой голосъ высокимъ теноромъ не то жалуется, не то плачетъ:

Ахъ, ты ноченька,

Ночка темная....

На широкой столбовой дорогѣ, проложенной близъ берега рѣки, изъ сумрачной дали показалась пара коней въ зимней упряжкѣ. Громко хруститъ снѣгъ подъ восьмеркой копытъ шибко бѣгущихъ лошадей; протяжнымъ стономъ скрипятъ по дорогѣ желѣзные подрѣзы саней.— Въ саняхъ, сидя на облучкѣ, правитъ конями возчикъ Иванъ, молодой еще парень. Ему скучно ѣхать безъ пѣсни, и вотъ пѣсня его растетъ, ширится и съ захватывающею грустью зоветъ:

Ночку темную,

Да многодумную...

На барскомъ мѣстѣ въ саняхъ, укрытый волчьимъ одѣяломъ, полуразвалясь, дремлетъ извѣстный въ Поволжьѣ благотворитель, набожный и богомольный купецъ Тихонъ Захарычъ Овсянниковъ.—Недавно получилъ онъ радостную вѣсть изъ Манджуріи: сынъ его—офицеръ, тяжело раненый въ мукденскомъ бою, оправился здоровьемъ, возвратился въ свой полкъ и занялъ въ немъ должность баталіоннаго командира. Въ благодарность Богу за спасеніе сына, Тихонъ Захарычъ и ѣдетъ теперь, по обѣщанію, въ Т—ій монастырь, чтобы здѣсь поклониться предъ Чудотворной иконой Божіей Матери и пожертвовать, сколько можетъ, на святую обитель...

Тихонъ Захарычъ—человѣкъ уже старій: ему идетъ седьмой десятокъ лѣтъ.—За день ѣзды растрясло его ветхія кости; въ полудремѣ грезится ему оставленный домъ и покойная кровать.

—«Хорошо бы теперь», соображаетъ Тихонъ Захарычъ, «отдохнуть въ теплой избѣ и расправить въ постели уставшее тѣло»!...—А пѣсня

¹⁾ Въ основу разсказа взятъ фактъ, сообщенный въ журналѣ «Воскресный день» за 1887 годъ. См. «Уроки и примѣры христіанской надежды», Прот. Дьяченко. Изд. 2-д, стр. 151.

Ивана продолжаетъ быть грустною. Громко закончивъ одинъ изъ аккордовъ, возчикъ Иванъ какъ-то вдругъ оборвалъ свою пѣснь и замолгъ. Тихонъ Захарычъ тотчасъ очнулся отъ дремоты.

— А много-ль осталось до ночлега?—спросилъ онъ Ивана.

— Верстъ пять, не болѣ, ваше степенство,—отвѣтилъ Иванъ, подобрывъ возжи и съ гикомъ ударивъ длиннымъ кнутомъ по дорогѣ.—Рѣзвые кони, почувавъ знакомый окрикъ, еще шибче понесли сѣдоковъ. Громче зазвякали бубенчики на сбруѣ коней, а колокольчикъ подъ расписной дугой коренника такъ и залился серебрянымъ звономъ...—Прошло съ полчаса быстрой ѣзды; на пригоркѣ показалось село Богородское. Въ избахъ крестьянъ огни уже были погашены; только мерещился свѣтъ внутри большого заѣзжаго дома; къ нему и направился Иванъ съ своимъ сѣдокомъ. Лихо подкатилъ онъ къ широкимъ воротамъ постоялаго двора. Въ воротахъ скоро показалась хозяйка заѣзжаго дома, молодая баба Авдотья, съ зажженнымъ въ рукахъ фонаремъ. Всмотрѣвшись при свѣтѣ фонаря въ лицо сѣдока, она тотчасъ узнала Тихона Захарыча и съ привѣтливой улыбкой низко поклонилась ему.

— Ахъ, ваше степенство..., промолвила Авдотья: Тихонъ Захарычъ!.. Добро пожаловать... Давно чтой-то васъ не видать..., здоровы ли вы?..

— Како ужъ здоровье, при моихъ лѣтахъ, Авдотьюшка!.. отвѣтилъ ей Тихонъ Захарычъ, вылѣзая изъ саней.—А гдѣ твой мужъ? Отчего его не видать? Заболѣлъ што-ли?..

— Что ему, мордату, сдѣлается?!.. съ раздраженіемъ въ голосѣ сказала Авдотья.—Давѣ уѣхалъ куда-то; чай, скоро вернется...

Покачалъ головой Тихонъ Захарычъ на это замѣчаніе Авдотьи и тихо промолвилъ:

— Не хорошо, Авдотьюшка, такъ отзываться о мужѣ. Не первый ужъ годъ вы поженились, а, вижу, согласія между вами все еще нѣтъ... Не хорошо, не по-христіански такъ жить!..—Однако, чего же мы здѣсь ведемъ разговоры?—продолжалъ Тихонъ Захарычъ: есть ли у тебя мѣстечко, гдѣ бы отдохнуть?

— Какъ же, какъ же!.. засуетившись, отвѣчала Авдотья: для васъ, Тихонъ Захарычъ, да не найти мѣста?!.. Горница у меня совсѣмъ пустая стоитъ. Пожалуйте!.. Милости прошу...

И, наскоро отдавъ приказаніе работнику, чтобы тотъ устроилъ на ночь возчика Ивана и его лошадей, Авдотья торопливо пошла къ дому, освѣщая фонаремъ путь Тихону Захарычу.

Взойдя въ комнату, назначенную въ заѣзжей избѣ для чистой публики, Тихонъ Захарычъ, при помощи Авдотьи, снялъ съ себя запорошенную инею шубу, перекрестился предъ иконами и, повернувшись къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Ну, здравствуй еще разъ, хозяйюшка!.. Признаться, озябъ я съ дороги и поѣсть хочется. Принеси-ка мнѣ немного водочки, да закусить чтонибудь.

Поужинаю малость, а потомъ скорѣе спать завалюсь. Сильно усталъ: не молодые ужъ годы мои...

— Слушаю, Тихонъ Захарычъ! — сказала Авдотья:

— Сейчасъ все будетъ готово...

Черезъ нѣсколько минутъ Авдотья принесла Тихону Захарычу на подносѣ небольшой графинъ съ виномъ и холодную закуску, — поставила все это на столъ и, пожелавъ гостю кушать на здоровье, сама вышла. — Тихонъ Захарычъ прежде, чѣмъ сѣсть за закуску, по обычаю, началъ читать про себя молитву Господню «Отче нашъ»... Едва окончилъ онъ молитву, сказавъ послѣднія слова: «но избави насъ отъ лукаваго», — какъ стоявшій на столѣ графинъ мгновенно разлетѣлся вдребезги, какъ будто отъ удара молоткомъ, и все вино разлилось.

— «Что бы это значило»? въ недоумѣніи и нѣкоторомъ страхѣ спросилъ себя Тихонъ Захарычъ. Не найдясь, что отвѣтить, онъ отворилъ дверь и кликнулъ хозяйку. Авдотья тотчасъ вошла. Указывая на неожиданно и безъ видимой причины треснувшій графинъ и разлитое вино, Тихонъ Захарычъ тревожно спросилъ ее:

— «Что это значитъ?..» — Авдотья, какъ только посмотрѣла на треснувшій графинъ, такъ тотчасъ, сильно поблѣднѣвъ, и повалилась къ ногамъ Тихона Захарыча.

— Прости меня, ваше степенство, Тихонъ Захарычъ!.. Не взыщи съ непутной бабы ради Христа!.., завопила она дрожащимъ голосомъ.

— Встань, сказалъ ей Тихонъ Захарычъ, — да расскажи толкомъ, что тутъ такое кроется?

Авдотья, приподнявшись съ колѣнъ, со слезами на глазахъ призналась Тихону Захарычу, что задумала отравить своего нелюбимаго мужа.

— Составивъ отраву на винѣ, рассказывала она, я поставилъ графинъ съ отравой въ шкафъ, гдѣ стоялъ другой такой же графинъ чистаго вина, и, когда вы потребовали вина и закуску, я второпяхъ вмѣсто одного графина

схватила, по ошибкѣ, другой—съ отравой, и подала его вамъ...—Судите и карайте меня, какъ знаете, Тихонъ Захарычъ!..,—заклчила свое признаніе Авдотья.—Только—Богъ мнѣ свидѣтель—послѣ того, что случилось, я ужъ не посягну на жизнь своего мужа; останусь вѣрна ему до конца своихъ дней...

Съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ Тихонъ Захарычъ признаніе хозяйки заѣзжаго дома.

Когда кончился рассказъ, онъ истово перекрестился, поблагодаривъ Бога за чудо спасенія своей жизни, и, облегченно вздохнувъ, молвилъ Авдотья:

— Вотъ что, Авдотья: я не въ правѣ судить и карать тебя за злой умыселъ твой противъ супруга. Благодарю Бога, что Онъ удержалъ тебя отъ великаго преступленія. Однако, страшный грѣхъ лежитъ на тебѣ. Я не іерей Божій, чтобы простить этотъ грѣхъ. Т-ій монастырь недалече отъ васъ. Дай мнѣ слово, что ты не замедлишь пріѣхать туда. Тамъ проживаетъ старецъ святой жизни, схимникъ, отецъ Варнава. Чай, слыхала о немъ?—Такъ вотъ: явись къ нему съ покаяньемъ; онъ тебѣ будетъ надежнымъ судьей и наставникомъ въ твоёмъ тяжкомъ горѣ грѣховномъ, А я завтра свижусь со старцемъ и переговорю о тебѣ.—Скажи, общаешь ли мнѣ все это сдѣлать?

Авдотья съ клятвой общала сдѣлать все, что потребовалъ отъ нея Тихонъ Захарычъ.—Вытеревъ и убравъ снова столъ, она, продолжая плакать, оставила купца одного. Но Тихонъ Захарычъ такъ ужъ и не присѣлъ къ стоявшей закускѣ. Онъ долго ходилъ изъ угла въ уголь по комнатамъ, размышляя обо всемъ происшедшемъ. Спать ему больше не хотѣлось. Къ утру онъ вынулъ изъ дорожнаго мѣшка письменный приборъ и бумагу, и началъ писать сыну—офицеру—письмо. Описавши случай въ дорогѣ, Тихонъ Захарычъ закончилъ свое письмо такими словами:

«Великая сила спасающей благодати кроется въ молитвѣ Господней! Изъ рассказаннаго случая самъ ты видишь это, дорогой сынокъ мой Мишенька. У васъ въ воинствѣ молитва Господня почитается паче прочихъ молитвъ. Такъ и должно тому быть. Учи же своихъ дѣтокъ-солдатиковъ,—благо ихъ немало теперь у тебя подъ рукой,—учи ихъ непремѣнно,—какъ можно прилежнѣй и съ полнымъ разумѣніемъ читать молитву Господню: она поможетъ имъ побороть всякое искушеніе и сохранить ихъ отъ всякаго зла и лукавства, котораго такъ много въ мірѣ, *особенно въ наши лукавыя дни!*...»

Севастопольскаго Адмиралтейскаго собора священникъ Евлампій Якиманскій.

Ташкентъ.

На братской могилѣ.

На юго-западной окраинѣ туземнаго Ташкента, на мѣстѣ старыхъ городскихъ воротъ, тамъ, гдѣ въ ночь на 15-е іюня 1865 года ворвалась въ городъ главная штурмовая колонна нашихъ войскъ, въ настоящее время находится братская могила; надъ ней въ 1889 году сооружена небольшая часовенка съ неугасимою лампадою предъ страдальческимъ ликомъ Спасителя; возлѣ часовни разбитъ чистенькій садикъ, обнесенный оградой и въ немъ чугунная плита и крестъ надъ могилами павшихъ офицеровъ.

«Да не изгладится память о нихъ во вѣкъ».

Эта краснорѣчивая, краткая надпись на одномъ изъ памятниковъ переноситъ насъ въ старину и передъ нами, какъ живые, встаютъ мощные образы туркестанскихъ героевъ, ихъ загорѣвшія, запыленные, утомленные лица, полуоткрытыя, высохшія отъ жажды уста, вдохновенно сверкающіе взоры и высоко поднятое надъ головою русское знамя...

Да, память о нихъ не изгладится, не должна изгладиться во вѣкъ!

Ежегодно, 15 іюня войска ташкентскаго гарнизона собираются на этой могилѣ, служатъ панихиду и салютуютъ павшимъ на полѣ брани героямъ.

Такъ какъ кадеты Ташкентскаго Наслѣдника Цесаревича кадетскаго корпуса заканчиваютъ свои занятія къ 1-му іюня, то въ этомъ году кадеты старшей роты отправлены были на братскую могилу передъ роспускомъ ихъ на каникулы.

28-го мая VІІ и VІІІ классы, принявъ знамя, выступили по назначенію. Пусть отъ корпуса до могилы, около семи верстъ, былъ пройденъ кадетами быстро и легко, несмотря на то, что это была первая значительная прогулка и туркестанское солнце жгло немилосердно.

На братской могилѣ, подъ тѣнью густо разросшихся деревьевъ, кадеты ожидали чай и легкая закуска.

Наскоро утоливъ жажду и перекусивъ, кадеты размѣстились на коврахъ, и тутъ однимъ изъ старѣйшихъ туркестанцевъ, генераломъ въ отставку Шороховымъ, была рассказана краткая исторія завоеванія Туркестанскаго края, начиная съ похода князя Бековича-Черкаскаго и до штурма Ташкента, въ которомъ рассказчикъ принималъ видное участіе.

Созерцая передъ собою убѣленного сѣдиной, но крѣпкаго и бодрого генерала, изрѣдка бросая ревнивые взгляды на бѣленькій крестикъ въ петлицѣ героя, слушая его твердую, спокойную и увѣренную рѣчь, кадеты живо представили себѣ огромное историческое дѣло, огромный подвигъ, совершенный рядомъ выдающихся вождей туркестанскихъ войскъ и русскимъ исполиномъ — солдатомъ, и дань удивленія, гордости и любви къ послѣднему, брошенная умѣлой рукой опытнаго воина, попала, надо думать, на благодарную почву.

Закончивъ свой разсказъ подробнымъ перечисленіемъ убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и доставшихся нашимъ войскамъ трофеевъ, генералъ Шороховъ обратился къ кадетамъ съ поученіемъ, въ которомъ солидная боевая опытность и чисто военные умъ и сердце сказались съ большою рельефностью.

Сила физическая, крѣпкое здоровье и свѣжій умъ, вотъ что должно составлять постоянную заботу офицера учителя, руководителя, брата и отца нашихъ солдатъ.

Полная гармонія силъ тѣлесныхъ и силъ умственныхъ — идеалъ, къ которому долженъ стремиться каждый начальникъ, и генералъ Шороховъ съ особеннымъ удареніемъ остановился на физическомъ развитіи нашего офицерства.

Слабость физическая, хрупкое здоровье, какъ результатъ почти полнаго пренебреженія со стороны нашихъ офицеровъ къ своему физическому развитію, и совершенно естественное слѣдствіе, отсутствіе необходимой для успѣшной войны силы духовной энергіи, вотъ, по мнѣнію генерала, имѣваго двухъ сыновей на войнѣ, одна изъ солидныхъ причинъ нашихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ.

Старый туркестанецъ, опытный полковой командиръ картинно изобразилъ, чѣмъ занимаются офицеры по прибытіи въ часть изъ училища, какъ быстро забываютъ они все то, чему ихъ учили, какъ безразсудно растрачиваютъ они свои физическія силы, какъ быстро таетъ энергія въ ихъ сердцахъ, а съ ними исчезаетъ интересъ и любовь къ военному дѣлу, къ трудному, тяжелому и отвѣтственному дѣлу, которое можетъ составлять удѣлъ только сильныхъ тѣломъ и духомъ офицеровъ, здоровыхъ, способныхъ работать и учиться войнѣ всю жизнь.

«Не бросайте гимнастики, спорта, охоты, тренировки, когда надѣнете офицерскіе эполеты.

Развивая умъ, приобрѣтая техническія знанія, не забывайте тѣлеснаго развитія, закаливайте, не разслабляйте себя.

Война, походная жизнь, бой требуютъ отъ офицера совершенныхъ физическихъ силъ, огромной энергіи, сильной воли и постоянно свѣжаго, трезваго ума. Будьте трезвы, не разстраивайте попусту свои силы, будьте трудолюбивы, будьте совершеннымъ образомъ для солдата. Будьте чаще среди солдатъ, кушайте, спите, говорите съ ними и въ награду вы получите знаніе золотого солдатскаго сердца, а съ этимъ знаніемъ и солдату и себѣ доставите счастье и славу»...

Въ такихъ приблизительно словахъ обращался доблестный туркестанецъ, шестидесяти-восьми-лѣтній старецъ, къ юнцамъ кадетамъ и въ этихъ словахъ чувствовалось столько правды, столько силы и огня, что только не имѣющей ушей могъ ихъ не услышать.

Смолкъ голосъ старика, на минуту воцарилась тишина, будто ангелъ далекаго прошлаго, ангелъ хранитель мѣсть вѣчнаго упокоенія, пролетая, остановился надъ далекою братскою могилою, призывая мысли и сердца мужей зрѣлыхъ и юной молодежи къ любовному, теплomu воспоминанію о тѣхъ, кто полвѣка назадъ проявилъ высшую степень любви человѣческой, отдавъ жизнь свою за други своя, за Царя, святую вѣру православную, за славу и счастье родины...

Заигралъ барабанъ. Кадеты построились. Грянулъ хоръ музыки, и стройные ряды юныхъ воиновъ, привлекая вниманіе многочисленнаго туземнаго и русскаго населенія, прошли по улицамъ города, направляясь въ корпусъ ¹⁾.

Пастырская обязанность ²⁾.

Говоря объ условіяхъ наиболее успѣшной пастырской дѣятельности, нельзя не коснуться духовной печати, которая всегда играла видную роль въ жизни духовенства.

Какого бы кто мнѣнія ни былъ относительно печатнаго слова, но всѣ образованные люди одинаково сходятся во взглядѣ на цѣль, какую оно

¹⁾ Русскій Инвалидъ, 1908 г. № 130.

²⁾ Продолженіе ст. «Пастырская Забота». — см. № 12-й, Вѣстникъ В. Д.

должно преслѣдовать. Печатное слово, по общепризнаннымъ понятіямъ, должно быть поборникомъ правды, пресводникомъ нравственныхъ принциповъ, которые облагораживаютъ человѣка. Пользоваться такимъ словомъ— великое благо для всякаго человѣка, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ. Никогда однако такъ потребно и такъ желательно не было правдивое и разумное слово, какъ въ наше время, время усиленныхъ запросовъ и требованій на проведеніе въ жизнь новыхъ началъ, способствующихъ духовному и нравственному обновленію человѣчества. Весьма важными являются указанія и сужденія печати и на счетъ тѣхъ или другихъ практическихъ мѣропріятій, которыми все такъ озабочиваются въ настоящее время.

Какъ бы ни были продуманы мѣры пастырской дѣятельности, какъ бы громко ни говорили сердцу пастыря побужденія его долга, сложная жизненная обстановка и разнообразная дѣятельность духовенства всегда представляютъ множество совершенно новыхъ и исключительныхъ условій. Если вездѣ слышатся жалобы на «тяжелое время», то наиболѣе тяжелымъ оно безспорно является для духовенства. Какъ же ориентироваться въ настоящемъ сумбурѣ пастыремъ церкви? Гдѣ обсудить и познакомиться другъ друга съ особенностями своей пастырской практики? Гдѣ подѣлиться успѣхомъ или поплакать о неудачахъ? Гдѣ найти нравственную поддержку, укрѣпить вѣру въ святость и истину своего дѣла? Такимъ спасительнымъ оазисомъ для пастыря церкви можетъ быть только свой печатный органъ, который служить связующимъ пастырей звеномъ, яркимъ выразителемъ ихъ думъ, надеждъ и печалей. Такой органъ— это живительная сила, безъ которой общество пастырей— мертво. При современномъ положеніи духовенства духовная журналистика должна преслѣдовать три почетныя задачи: 1) поддерживать среди всеобщаго упадка вѣры и нравственности падающій пастырскій духъ; 2) защищать пастырство отъ клеветы и инсинуацій антирелигіозной печати; и 3) указывать пастырской дѣятельности правый и правильный путь.

Эти задачи слишкомъ серьезны, чтобы ихъ игнорировать. Кто не знаетъ тѣхъ тяжелыхъ обвиненій, которыя сыплются на духовенство, какъ изъ рога изобилія, въ свѣтской печати? И больнѣе всего то, что все это говорится въ большинствѣ случаевъ для краснаго словца, для большей популярности въ шумныхъ лагеряхъ современнаго освободительнаго движенія. Рецептъ, какъ въ наше время можно сдѣлаться «виднымъ» и «извѣстнымъ» представителемъ одного изъ новыхъ направлений, несомнѣнно можетъ быть выраженъ въ такой формулѣ:

Рр : Таланта—1 каплю.

Безстыдства—1 графинъ.

Наглости—1 ведро.

Смѣшать и взбалтывать предъ употребленіемъ.—

Но извольте переварить столь благородную смѣсь! Антирелигіозное же движеніе бьетъ сильнымъ ключомъ и мутныя брызги его летять во всѣ стороны.

Отсюда понятно, какъ велика миссія духовной печати и какой жизненный характеръ она должна носить. Въ настоящее время духовная печать имѣетъ преимущественное право на вниманіе со стороны пастырей церкви, которые должны жертвовать для нея всякимъ досугомъ, нести на пользу ея свои посильные труды.

Говоря о великомъ значеніи для современнаго пастырства печатнаго слова, нельзя не отмѣтить того нѣсколько исключительнаго положенія, въ которомъ оказывается въ этомъ случаѣ военное духовенство.

Насколько важенъ и необходимъ для военныхъ пастырей ихъ собственный органъ «Вѣстникъ Военнаго Духовенства», настолько благоприятными для жизненности этого органа являются условія ихъ службы.

Жизнь военнаго духовенства, разсѣяннаго даже по самымъ отдаленнымъ и глухимъ уголкамъ въ двухъ странахъ свѣта, представляетъ въ общей совокупности столько интереса, что нельзя не повѣствовать. Впечатлѣнія, пережитыя военнымъ (духовенствомъ на всемъ пространствѣ русскаго государства въ дни «освободительнаго движенія», могли бы дать самую полную и самую лучшую характеристику русскаго общества, мѣры ихъ пастырскаго воздѣйствія на ввѣренную имъ паству—самую поучительную для пастыря церкви книгу.

Не смотря однако на все это, приходится съ грустью сознаться, что объединенное во многихъ отношеніяхъ военное духовенство недостаточно является сплоченнымъ вокругъ родного своего «Вѣстника»...

Обстоятельство это достойно вниманія.

Какъ широта, глубина и плавность рѣки всецѣло зависитъ отъ количества источниковъ, ручейковъ и мелкихъ рѣкъ, которыя въ нее впадаютъ, такъ жизненность и содержательность всякаго органа печати зависитъ отъ того активнаго сочувствія общества, которое оно встрѣчаетъ.

Только съ того момента, когда сознание этой обязанности поселится въ нашей душѣ, мы станемъ на вѣрный путь своего служебнаго долга.

Если добраго желанья
Не имѣешь ты въ груди,
То темна твоя дорога,
Нѣтъ и цѣли впереди.

Въ тьмѣ—ты правду позабудешь,
Въ тьмѣ—добро ты обойдешь;
Кривдѣ, злу служить ты будешь,
Въ бездну гибели падешь.

Протоіерей церкви Гвардейскихъ казачьихъ частей, Іоаннъ *Бугославскій*.

Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судебного священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 г.

(Отъ Чернаго моря до Балтійскаго).

Послѣ восьмимѣсячной стоянки въ Севастополѣ Императорская яхта «Штандартъ», по минованіи въ ней надобности на Черномъ морѣ, готовилась возвратиться восвояси—въ Кронштадтъ¹⁾, откуда она ушла почти два года тому назадъ²⁾. Семейные офицеры и матросы, у которыхъ семьи все это время жили здѣсь (въ городѣ), заранѣе провожали ихъ прямымъ путемъ (желѣзнодорожнымъ) туда же на Сѣверъ—изъ тепла на холодъ³⁾, а всѣ вообще дѣлали послѣдніе визиты своимъ городскимъ знакомымъ. У со-

¹⁾ Здѣсь находится 5-й флотскій Е. И. В. генералъ-адмирала Алексѣя Александровича экипажъ, къ составу коего принадлежит и «Штандартъ».

²⁾ До стоянки въ Севастополѣ яхта, по случаю усовершенствованія машиннаго отдѣленія, девять мѣсяцевъ находилась во Франціи въ (Тулонѣ).

³⁾ Въ Севастополѣ первый и вмѣстѣ послѣдній снѣгъ выпалъ на Новый годъ, а послѣ въ Ревелѣ мы увидѣли его и на 1-й день Пасхи.

держателя каютъ-компаніи ¹⁾ была своя забота: нужно было запастись провизіи на свою большую семью офицеровъ по крайней мѣрѣ на мѣсяць плаванія, помня русскую пословицу: «на чужой каравай ротъ не разбѣвай, а лучше свой припасай». У «батюшки» тоже была своя кручина. Предстояло заграничное плаваніе вокругъ Европы; такимъ образомъ представлялась возможность посмотрѣть «заграницу» всочію, по крайней мѣрѣ—увидѣть нѣсколько приморскихъ заграничныхъ городовъ; по маршруту были предназначены стоянки въ городахъ: Палермо (на о. Сициліи), Кадиксѣ (близъ Гибралтара), Шербургѣ (въ франц. провинціи Нормандіи) и въ Копенгагенѣ; значить, можно было хотя однимъ глазкомъ взглянуть на Италію, Испанію, Францію и Данію и тамъ «людей посмотрѣть»; но—являлся при этомъ вопросъ—можно ли тамъ «себя показать» въ нашемъ православно-русскомъ одѣяніи духовенства, не рискуя подвергнуть этотъ самъ по себѣ очень идейный костюмъ и самого себя незаслуженному осмѣянію и оскорбленію? Слышалъ я, а потомъ и самъ убѣдился въ этомъ, да и всѣ бывавшіе за границей знаютъ—и это ни для кого не тайна, — что наши «заграничные», служащіе при посольствахъ, священники ходятъ тамъ въ въ «штатскомъ» платьѣ во избѣжаніе того, что, какъ говорятъ, случилось съ однимъ архимандритомъ, настоятелемъ посольской церкви, не желавшимъ перемѣнять платье, но и не выдержавшимъ натиска грубой толпы, особенно—назойливыхъ уличныхъ мальчишекъ, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ оставить свой постъ и вернуться въ Россію, не желая, чтобы и за нимъ, какъ за Крыловскимъ слономъ, «толпы зѣвакъ ходили» и еще хуже того... Сослуживцы-офицеры приводили, при этомъ, и другіе подобные факты изъ своихъ личныхъ наблюденій, и въ результатъ всѣхъ размышленій и разсужденій по интересовавшему меня вопросу получалось одно: «штатское» или, по выраженію матросовъ, «вольное» платье неизбѣжно, если не хочешь все время сидѣть въ своей каютѣ, какъ въ берлогѣ, а съ другой стороны—не хочешь отдавать и себя и свое одѣяніе, а чрезъ это какъ бы и все православно-русское духовенство, на посмѣшище заграничнымъ дикарямъ, хотя странно и обидно было за то, что нашъ костюмъ, въ общемъ очень похожій на костюмъ католическихъ патеровъ (вѣдь ихъ «суктана» — тотъ же нашъ подрясникъ, только застегиваемый массою пуговицъ

¹⁾ Членами коей, во главѣ со старшимъ офицеромъ, состоятъ на яктѣ по штату и положенію: 7 офицеровъ, 5 инженеръ-механиковъ, старшій штурманъ, врачъ, священникъ и шкиперъ; изъ среды офицеровъ и избирается по очереди на 4 мѣсяца содержатель каютъ-компаніи.

посрединѣ сверху до низу, а не двумя-тремя съ боку какъ послѣдній, а набрасываемая сверхъ ея накидка напоминаетъ нашу рясу), возбуждаетъ въ ихъ «гуманныхъ» и «просвѣщенныхъ» пасомыхъ больше празднаго любопытства, сопровождаемаго грубымъ смѣхомъ и подчасъ циничными выходками по адресу носителя его, чѣмъ въ «грубыхъ» и «непросвѣщенныхъ» пасомыхъ послѣдняго — этихъ, на ихъ взглядъ, «Европейскихъ азіатахъ», костюмъ настоящихъ сыновъ Азіи — напр. китайцевъ. Какъ ни дико было послѣ девятилѣтней привычки къ «солидному» и «степенному» — длинному и широкому костюму снова вообразить себя въ кургузомъ — короткомъ и узкомъ «штатскомъ»-«вольномъ» платьѣ, однако съ этимъ приходилось считаться и въ концѣ концовъ мириться, а потому симъ одѣяніемъ страннымъ» для священника, конечно, запасаться, успокаивая и оправдывая себя изреченіями народной мудрости: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся» и «съ волками жить — по волчьи выть» (что для меня равнялось: за границей быть — по заграничному ходить). Однако не безъ смущенія входилъ я въ «магазинъ готоваго мужского и дамскаго платья», думая, что удивлю и, пожалуй, насмѣшу тамъ всѣхъ своимъ появленіемъ.

Я уже готовился услышать «любезное», соединенное съ плохо скрываеваемой ироніей, замѣчаніе и предупрежденіе, что я, «вѣроятно, по ошибкѣ не туда зашелъ» и — еще болѣе удивить ихъ, заявивъ, что мнѣ нужно и именно для себя пиджачную пару и лѣтнее пальто. Но ничего подобнаго не случилось: выслушали спокойно, безъ всякой тѣни удивленія и и усмѣшки, какъ будто такъ и быть должно, и, вмѣсто ожидаемаго ехиднаго вопроса, я услышалъ самый естественный: «вѣроятно, за границу отправляетесь?» Оказалось, что у нихъ я былъ далеко не первый и, вѣроятно, не послѣдній изъ такихъ оригинальныхъ покупателей штатскаго платья для себя. Послѣ этого у меня отлегло на сердцѣ, и я уже безъ смущенія совершилъ покупку. — Такъ какъ рѣшено было сниматься съ якоря рано утромъ, то наканунѣ предъ вечерней молитвой (которая обыкновенно бываетъ въ 8 час. веч.) былъ отслуженъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ на яхтѣ напутственный молебень или «чинъ благословенія хотящимъ по водамъ плыти». Всѣ одинаково горячо и усердно молились: и старые, бывавшіе въ плаваніи, матросы, — недаромъ пословица говорить: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не малывался», — и молодые, еще не видѣвшіе грознаго бурнаго моря, но наслышавшіеся о немъ отъ старыхъ матросовъ и, вѣроятно, знавшіе приведенную пословицу въ иной формѣ, по которой: «кто

на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ». Всѣ усердно, поэтому, просили Бога «благословити водное путешествіе ихъ» и, внимая раздававшимся въ вечерней тишинѣ молитвеннымъ прошеніямъ священника, быстро переживали въ своей душѣ то тревожныя, то радостныя чувства. Въ душу cadaго невольно закрадывалось нѣкоторое смущеніе и тревога, когда слышалось моленіе священника «о еже утолити бурю, уставити вѣтры, и тишину къ безмятежному плаванію»; но этотъ минутный страхъ быстро исчезалъ и смѣнялся чувствомъ спокойной преданности Промыслу Божію, безъ воли коего и волосъ не падаетъ съ головы человѣка и коему, поэтому, теперь каждый смѣло ввѣрялъ судьбу свою, когда слышалось слѣдующее моленіе—«о еже послати ангела хранителя, наставляюща и отъ всякаго зла видимыхъ и невидимыхъ врагъ покрывающа и отъ истопленія бури водныя избавляюща» и «о еже избавити ихъ силою благодати Своея отъ всякихъ бѣдъ и нуждъ душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ недуга же и отъ напрасныя смерти, и всякія смертоносныя раны». А это чувство покорности волѣ Божіей, въ свою очередь, затѣмъ переходило въ радостное настроеніе надежды на благополучный конецъ плаванія и соединенное съ нимъ свиданіе съ родными, когда далѣе священникъ молился за всѣхъ «о еже мирно и благополучно препроводити, здраво же и безмятежно возвратити ихъ» и для сего просилъ у Господа всѣмъ «здравіе съ благополучіемъ и благовременнымъ во свояси возвращеніемъ милостивно подати» (Великая эктенія указаннаго чина).

Окрыленные этою надеждою, всѣ уже смѣло и убѣжденно, вслѣдъ за чтецомъ «Апостола», мысленно взываютъ къ Спасителю, какъ «упованію сущихъ въ морѣ далече», словами Псалмопѣвца: «аще я пойду посрединѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22,4), зная, что «и вѣтеръ, и море послушаютъ Его» (Мр. 4,41), какъ говорится далѣе въ Евангельскомъ чтеніи на этомъ молебнѣ¹⁾. Тотчасъ послѣ молебна на верхней палубѣ подъ открытымъ небомъ и на священномъ мѣстѣ всякаго военнаго судна — такъ называемыхъ «шканцахъ» послѣдній разъ въ Севастополѣ были воодушевленно пропѣты всей командой (въ 400 чело-

¹⁾ И невольно припомнились мнѣ при этомъ еще въ дѣтствѣ заученныя по катехизису слова св. Кирилла Иер.: «вѣрою водятся мореплаватели, когда, ввѣривъ судьбу свою малому древу, постоянное стремленіе волнъ предпочитаютъ твердѣйшей стихіи—землѣ, предають самихъ себя неизвѣстнымъ надеждамъ и имѣють при себѣ только вѣру, которая для нихъ надежнѣе всякаго якоря»; только теперь во всей силѣ стала доступнѣе уму глубокій смыслъ и понятна сердцу вся истина простыхъ, но жизненныхъ словъ Святителя.

вѣкъ) положенныя по уставу молитвы («Господня», «Богородице Дѣво» и за Царя и Отечество), послѣ чего розданы койки, и всѣ поспѣшили поскорѣе заснуть, зная, что на утро ранѣе обыкновеннаго придется встать и болѣе обыкновеннаго работать. Впрочемъ, имѣющимъ нечистое постельное бѣлье и рабочее платье внушено воспользоваться обиліемъ даровой прѣсной воды и привести его въ опрятный видъ; при чемъ всѣмъ вообще внушено напередъ въ заграничныхъ портахъ при мытьѣ бѣлья быть экономными въ расходованіи прѣсной воды, какъ стоящей денегъ и очень значительныхъ, такъ какъ при этомъ выходитъ воды чуть ли не на рубль на каждаго матроса.

Наутро 17-го Февраля, когда городъ еще спалъ, на яхтѣ всѣ проснулись и, послѣ обычной утренней молитвы и завтрака, принялись за послѣднія приготовленія къ походу, а въ 8 ч. утра, когда и городъ проснулся, яхта снялась съ якоря. Городъ какъ будто посылалъ намъ прощальный привѣтъ колокольнымъ звономъ, а храмы—доброе напутствіе, ибо это былъ «благовѣсть» къ Литургіи (была суббота 1-ой недѣли Великаго поста), а яхта какъ будто отвѣчала на это семью выстрѣлами, дѣлая прощальный салютъ крѣпости, за твердынями коей въ защищенной отъ моря городомъ тихой и вмѣстѣ живописной южной бухтѣ она была «какъ у Христа за пазухой». Но не скоро покинула яхта гостепріимный, живописный и дорогой по воспоминаніямъ Севастополь; какъ будто и ей, какъ и ея обитателямъ, не совѣмъ-то хотѣлось покинуть край, «гдѣ все обиліемъ дышетъ» — особенно въ ту пору, которая наступала, — два съ половиною часа кружилась она, едва выйдя изъ сѣверной бухты въ открытое море, близъ высочайшаго и блестящаго на солнцѣ своей бѣлизной Херсонскаго маяка, недалеко отъ дивнаго храма св. Владиміра, воздвигнутаго на мѣстѣ древняго приморскаго Херсонеса Таврическаго и, въ частности, на мѣстѣ той церкви, въ коей принялъ нѣкогда крещеніе Равноапостольный князь Владиміръ; а вдали все это время виднѣнъ былъ на вершинѣ горы, по склонамъ коей раскинулся Севастополь, другой чудный храмъ въ честь Равноапостольнаго Князя, подъ стѣнами коего покоятся вѣчнымъ сномъ четыре главныхъ и незабвенныхъ героя Севастопольской обороны—адмиралы: Истоминъ, Корниловъ, Лазаревъ и Нахимовъ, а на стѣнахъ начертаны имена «легіона» другихъ героев—ихъ сподвижниковъ. И только въ половинѣ 11-го часа, дали прямой ходъ къ берегамъ Босфора. Бурное большую часть года, а въ это время особенно, Черное море на этотъ разъ было спокойно, и яхта, не шелухнув-

шись, катилась по его зеркальной поверхности, дѣлая 16 узловъ (28 верстъ) въ часъ (узелъ = $1\frac{3}{4}$ версты). Было около часу дня, когда живописные, гористые берега Крыма совсѣмъ скрылись изъ виду, и кругомъ взору представлялась однообразная картина водной стихіи. Даже и въ спокойномъ своемъ состояніи это необъятное лоно водъ «понта Евксинскаго» давало чувствовать свою мощь и заставляло сознавать ничтожество и вмѣстѣ смѣлость человѣка, дерзающаго «малому древу ввѣрять судьбу свою», когда и гигантъ—корабль казался на немъ ничтожной скорлупой. Невольно приходило на память сдѣланное у Псалмопѣвца (Пс. 21, 7) сравненіе человѣка съ червемъ. Хорошо, что на этотъ разъ море оправдывало свое древнее названіе «евксинскаго» т. е. гостепріимнаго; далеко не такъ ласково встрѣчало оно яхту 8 мѣсяцевъ тому назадъ, когда всего менѣе ожидали отъ него «непріятностей» (быль Іюнь мѣсяць, а въ лѣтніе мѣсяцы на немъ, какъ и на всѣхъ моряхъ, болѣе господствуютъ «штилы», т. е. бываетъ спокойно), а, между тѣмъ, едва яхта показала изъ Босфора въ море свой носъ, какъ, по рассказамъ очевидцевъ, ее такъ приняло «болтать»¹⁾, что скоро не только новичковъ—моряковъ, но многихъ и старыхъ, успѣвшихъ отвыкнуть отъ качки «укачало» и уложило, а барановъ—подаренныхъ султаномъ во время ихъ стоянки въ Константинополь—съ баба (верхняя палуба въ носовой части корабля) налѣтевшей волной унесло на югъ (т. е. на корму). Вечерняя молитва 300 человѣкъ²⁾ въ открытомъ морѣ какъ то особенно торжественно звучала въ воздухѣ и по зарѣ, вѣроятно, далеко разносилась по морю. Затѣмъ я съ большимъ наслажденіемъ любовался закатомъ солнца, который еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ въ открытомъ морѣ; а такъ какъ въ минуту заката солнца на военныхъ судахъ бываетъ особая церемонія спуска флага³⁾, при которой присутствуютъ всѣ свободные судовые офицеры, то на заходящее дневное свѣтило были устремлены взоры мно-

¹⁾ Терминъ моряковъ, означающій, что, вследствие сильнаго волненія—шторма—на морѣ судно сильно качало.

²⁾ На ходу на общей молитвѣ не бываютъ машинисты, вочегары и нѣкоторые изъ строевыхъ матросовъ, стоящіе «на вахтѣ», т. е. на дежурствѣ по своей специальности.

³⁾ Церемонія эта заключается въ томъ, что въ моментъ солнечнаго заката, по командѣ вахтеннаго офицера: «флагъ спустить», спускается при барабанномъ боѣ и игрѣ двухъ горнистовъ на рожкахъ, кормовой флагъ, при чемъ всѣ присутствующіе, за исключеніемъ горнистовъ, барабанщиковъ и караульных (послѣдніе при этомъ держатъ ружья «на караулъ»), стоятъ безъ фуражекъ, а затѣмъ и всѣ остальные «фуражки долой» и тогда 1 изъ барабанщиковъ читаетъ молитву Господню, послѣ чего караульный унтеръ-офицеръ рапортуетъ о благосостояніи яхты вахтенному начальнику, этотъ—старшему офицеру, а послѣдній командиру, и тогда всѣ расходятся.

гихъ; вотъ оно коснулось поверхности моря и затѣмъ какъ будто стало не погружаться въ немъ, а расплываться по нему, расширяясь и въ нижней своей оконечности до широты діаметра. «Отъ края небесе исходъ его и срѣтеніе его до края небесе» — (Пс. 18, 7) вспомнились мнѣ при этомъ слова Псаломпѣвца, въ истинѣ коихъ на морѣ нагляднѣе убѣждаешься, когда, видя предъ собою ничѣмъ незаслоненный небесный сводъ, какъ будто созерцаешь самые края неба, на одномъ изъ коихъ солнце появляется «яко женихъ, исходяй изъ чертога своего» (ст. 6), а на другомъ — противоположномъ скрывается. Скоро солнце совсѣмъ скрылось въ морской безднѣ, и только оставленный имъ на небѣ и отражавшійся въ морѣ яркій слѣдъ зари означалъ мѣсто, гдѣ потонуло оно. Но вотъ совсѣмъ стемнѣло: ни одного огонька кругомъ; только звѣзды ярко блестѣли на небѣ, отражаясь мириадами огней въ морѣ; здѣсь, среди моря съ корабля еще лучше было наблюдать, чѣмъ «близъ потока», тѣ совершающіяся «далеко въ горнемъ мірѣ чудеса», о которыхъ говоритъ намъ поэтъ — богословъ (Хомяковъ)¹). Зато, въ «дальнемъ» мірѣ кругомъ насъ не замѣчалось ни одного признака жизни, какъ будто путь шелъ по безлюдной необитаемой пустынѣ. Утомленные хлопотами съ ранняго утра всѣ свободные отъ вахты (4-хъ часового дежурства на посту специальности) скоро поддались общему настроенію окружающаго мирнаго покоя и крѣпко заснули. Даже оставшіеся на верху «на вахтѣ» какъ будто не хотѣли нарушать этой окружающей тишины, только изрѣдка они переговаривались между собою и то «шопотомъ», какъ будто боясь своего голоса въ ночной тиши, а больше молча исполняли свои несложныя на ходу обязанности по верхней палубѣ.

Когда на слѣдующій день (18-го) я въ 6 час. утра всталъ къ общей утренней молитвѣ команды, то было уже совсѣмъ свѣтло, и яхта подходила къ берегамъ Босфора и притомъ, какъ сообщили мнѣ, уже во 2-й разъ, потому что, подойдя сюда въ 4 ч. у., она принуждена была на часъ пути вернуться въ море, такъ какъ до полнаго разсвѣта Босфоръ закрытъ для прохода судовъ. Такимъ образомъ вечерней молитвой накануне мы огласили средину Чернаго моря (такъ какъ, пересѣкая его почти поперекъ, были тогда на полпути), а теперь утренней — привѣтствовали его южный берегъ, гдѣ полторы тысячи лѣтъ назадъ христіанство впервые во всей силѣ почувствовало свою свободу, а теперь четыре съ половиною вѣка

¹) Разумѣемъ его стихотвореніе: «Въ часъ полночи близъ потока ты взгляни на небеса: совершаются далеко въ горнемъ мірѣ чудеса»...

снова находится въ угнетенномъ состояніи, ибо тогда оно изъ религіи, тѣсной іудействомъ и язычествомъ, объявлено не только дозволенной, но и господствующей надъ ними въ тогдашней всемірной Римской имперіи, а теперь въ Оттоманской Имперіи снова низведено на степень едва терпимой мусульманскимъ фанатизмомъ. Черезъ полчаса вступила яхта въ Босфоръ, съ приморскихъ береговъ коего на нее грозно смотрѣли изъ-за земляныхъ укрѣпленій черныя пушки; впрочемъ, ими обильно усѣяны и оба берега самого пролива, такъ что нашъ взоръ скоро присмотрѣлся къ нимъ, и онѣ перестали обращать на себя наше вниманіе. Да и до нихъ-ли было, когда взору представилась дивная панорама воспѣтаго и прославленнаго художниками слова и красокъ Босфора? Всѣ, кому можно было, высыпали на верхнюю палубу: не только тѣ, кто въ первый еще разъ видѣлъ его, но и тѣ, кто уже не разъ проходилъ здѣсь и любовался имъ (а таковыхъ было на яхтѣ значительное большинство, потому что, проходя въ Черное море, яхта останавливалась въ Константинополѣ на три дня). При самомъ входѣ въ Босфоръ яхта, какъ будто пораженная представившимся ей внезапно дивнымъ зрѣлищемъ, зашторила машину, замедлила ходъ, а потомъ и совсѣмъ на нѣсколько минутъ остановилась: ожидали прїѣзда на яхту какого-то (кажется карантиннаго) турецкаго чиновника, съ которымъ, какъ думали, предстоятъ объясненія нашему доктору; но никакого чиновника не появлялось, и яхта двинулась далѣе. Тихо было въ морѣ, а въ узкомъ защищенномъ гористыми берегами проливѣ тѣмъ болѣе; яхта какъ будто катилась по гладкому льду, нарушая покой пролива и его водянаго царства: міриады набившихся сюда дельфиновъ, называемыхъ еще «каساتками», напуганные появленіемъ въ ихъ тихомъ пристанищѣ такого неспокойнаго гиганта¹⁾, пустились въ бѣгство; а такъ какъ они на ходу, то взлетая, то ныряя, извиваясь какъ бы кольцомъ, по временамъ показывались на поверхности не только спиной, но и всѣмъ корпусомъ, то и можно было видѣть цѣлыя стада ихъ вокругъ судна, причемъ одни или впереди него, какъ будто стараясь убѣжать отъ своего врага, другіе—рядомъ, стремясь обогнать его, а третьи—позади, не желая отставать отъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ яхта все время шла по проливу, конвоируемая многочисленными отрядами дельфиновъ и провожаемая взорами апатичныхъ, какъ будто полусонныхъ турецкихъ рыбаковъ, кото-

¹⁾ Моряки говорятъ, что морскіе обитатели, близко подходя къ паруснымъ (безшумнымъ) судамъ, уходятъ отъ паровыхъ, разгоняемые, очевидно, шумомъ машины и еще болѣе—быстро вращающагося подъ кормой огромнаго винта, такъ что ихъ въ открытомъ морѣ и не приходится съ послѣднихъ видѣть.

рыхъ, какъ малыхъ дѣтей въ колыбели, покачивало волной отъ яхты въ ихъ утлыхъ ладьяхъ; при чемъ одинъ изъ нихъ, очевидно, болѣе другихъ жизнерадостный, снялъ свою феску и, тряся ею въ воздухѣ, что то такое весело кричалъ, раскланиваясь съ нами. Между тѣмъ съ той и другой стороны продолжала развѣтываться чудная картинная галерея, въ которой красоты природы, соединенныя съ произведеніями зодческаго искусства человѣка, приковывали къ себѣ глазъ зрителя. Но такъ какъ тотъ и другой берегъ какъ будто конкурировали между собою по красотѣ своихъ, отражавшихся въ Босфорѣ какъ въ зеркалѣ, видовъ и трудно было рѣшить, которому изъ нихъ отдать преимущество и пальму первенства, то и приходилось гоняться за двумя зайцами, постоянно перебѣгая съ одного борта яхты на другой, чтобы не упустить изъ виду ни одного клочка того и другого берега, не бросивъ на него хотя бѣглого взора. Къ тому же берега были такъ близко къ яхтѣ, которая шла по срединѣ пролива, довольно узкаго, что можно было и невооруженнымъ глазомъ любоваться какъ раскинутыми по склону холмообразныхъ береговъ садами и рощами, такъ и смотрящимися съ берега въ водахъ Босфора дворцами и другими причудливыми сооружениями, и только, чтобы разсмотрѣть какія-либо детали во всемъ этомъ, приходилось прибѣгать къ помощи биноклей.

(Продолженіе впродъ).

Содержаніе. Ч а с т ь о ф и ц.: Награды по вѣдомству О. Протопресвитера военнаго и морского духовенства, отъ Святейшаго Синода.—Лестные отзывы о военныхъ священнослужителяхъ.—Военному духовенству къ свѣдѣнію.—Ч а с т ь н е о ф и ц.: Бесѣда о томъ, какъ гибельны для семьи и общества раздоры и распри.—Освященіе новой церкви въ г. Владивостокѣ.—Выбогослужебная бесѣда по случаю освященія церкви Морского вѣдомства, построенной на общемъ воинскомъ кладбищѣ въ г. Владивостокѣ.—Сила молитвы Господней.—На братской могилѣ въ Ташкентѣ.—Пастырская обязанность.—Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судового священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 году.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 25-го Іюля 1908 г.

Цензоръ, Архимандритъ *Меводій.*